Муллонен И. И. Динамика развития ойконимической системы в северолудиковском языковом ареале / И. И. Муллонен, А. Ю. Жуков // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 113—131. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-113-131.

Mullonen, I. I., Zhukov, A. Yu. (2020). Dynamics of Development of Oikonymic System in Northern Lyudik Language Area. *Nauchnyi dialog*, 5: 113-131. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-113-131. (In Russ.).

УДК 811.511.112'373.21(470.22)+81'373.6+94(470.22)“15/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-113-131

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОЙКОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В СЕВЕРОЛЮДИКОВСКОМ ЯЗЫКОВОМ АРЕАЛЕ¹

© **Муллонен Ирма Ивановна (2020)**, orcid.org/0000-0002-5279-4880, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Россия), irma.mullonen@hotmail.com.

© **Жуков Алексей Юрьевич (2020)**, orcid.org/0000-0002-0647-5686, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Россия), zhukov_a@sampo.ru.

В статье рассматриваются некоторые аспекты становления ойконимической системы локальной территории на протяжении второй половины II тысячелетия, которое обусловлено, с одной стороны, развитием поселенческой структуры, с другой — закономерностями топонимической номинации. Материалом для анализа послужили сведения исторических документов (писцовые книги, ревизские сказки, списки населенных мест) XVI — начала XX веков, а также результаты полевых сборов по территории северо-западного Прионежья, населенной карелами-людиками. Доказывается, что система ойконимов включает в себя элементы, восходящие к разным хронологическим периодам. При этом выявляются ойконимные модели, маркирующие отдельные этапы в развитии системы. Особое внимание уделяется бытованию ойконимов на двух уровнях: официальном (письменном) и неофициальном (устном). Из них первый отличался большей консервативностью, а второй активнее реагировал на изменение обстоятельств, связанных с жизнью поселения, сменой владельца двора и др. Выявлено, что широкое внедрение и закрепление в официальной практике народных названий произошло в середине XIX века. Актуальность исследования заключается и в ряде новых этимологических интерпретаций ойконимов, для которых привлечены исторические источники, позволившие выстроить цепочки последовательно изменяющихся вариантов названия. В результате реконструированы некоторые карельские народные формы православных имен, а также расширен список некалендарных карельских антропонимов.

1 Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ 19-012-00068 «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций».

Ключевые слова: ойконимия; антропонимия; людиковское наречие; русские говоры; писцовые книги; ревизские сказки; крестьянское освоение; Карелия.

1. Введение

Ойконимы, то есть наименования поселений, и в силу наибольшей доступности этого материала, и в связи с его относительной этимологической прозрачностью, а также общественной востребованностью являются наиболее изученным разрядом топонимов. Выполнен целый ряд описаний региональных ойконимических систем, издана линейка словарей названий населенных мест. При этом в центре внимания находится, как правило, синхронное состояние системы. Диахронный же аспект, связанный со становлением системы, этапами ее формирования, оказывается на периферии исследовательского интереса. Между тем именно в этом поле есть комплекс вопросов, которые ждут своего решения: почему применительно к одному поселению используются разные названия, какие из них более ранние, а какие имеют небольшой возраст, как соотносятся письменный, то есть закрепленный в источниках, и устный уровень бытования, возможно ли выявить некие хронологические и ареальные маркеры момента рождения ойконима? Поиск ответов на заданные вопросы предпринят в статье.

Ойконимическая система любой традиционно освоенной территории включает элементы разного возраста и разной статусности. В отличие от ряда других топонимических разрядов именованья поселений имеют свою письменную историю, причем освещенную в массе источников, что позволяет проследить развитие ойконимической системы применительно к южной Карелии на глубину пятисот лет. Такую возможность дают писцовые книги, ведшиеся в Московском государстве, по крайней мере, с XV до середины XVII веков [Аверьянов, 2008, с. 13—19], ревизские сказки (середина XVIII — первая половина XIX веков), а также более поздние списки населенных мест.

Не вдаваясь в подробную источниковедческую и археографическую характеристики каждой из переписей (по необходимости, данная конкретика содержится в тексте статьи), отметим главную особенность названий поселений применительно к нашей теме. Как правило, ранние топонимы XV—XVII веков содержат два компонента: географический, по месту расположения, и антропонимический, по имени жильца, отмеченного в самой ранней переписи (1496 или 1563 годы). Иногда в качестве ойконима выступало прозвище (в том числе родовое) поселенца. Если географическая часть со временем мало видоизменялась, то антропонимическая от переписи к переписи могла преобразовываться, отражая в том числе и этноя-

языковые процессы на местах. Поэтому для идентификации деревень по разным источникам приходится выстраивать длинные цепочки этих последовательно изменявшихся названий.

Отмеченные выше источники отражают официальный уровень бытования ойконимов. Однако наряду с ним широко функционировали народные или неофициальные именования, которые далеко не во всех случаях совпадали с официальными. Для описания этого устного уровня номинации привлечены данные Научной картотеки топонимов Карелии, включающей материалы полевых сборов топонимии с 1970 года.

В статье анализируется становление ойконимической системы в северолюдиновском языковом ареале, расположенном в северо-западном Прионежье. Людики — одно из подразделений карельского этноса, а людиновское наречие соответственно — одно из карельских наречий, исторически сформировавшееся в районе Прионежья в ходе активного вепско-карельского контактирования и поглощения карельским языковым компонентом вепского субстрата, происходившего особенно активно в XVII—XVIII веках [Народы Карелии ..., 2019]. Рассматривается ойконимия двух исторических волостей — Кончезерской и Мунозерской, сформировавшихся вокруг соответствующих озер.

2. Развитие ойконимической системы, обусловленное становлением поселенческой сети

Наиболее ранним документальным источником для реконструкции истории формирования поселенческой сети в регионе людиновского Прионежья являются первые писцовые книги XVI века. Их материалы свидетельствуют о том, что к этому времени бытовали уже практически все поселенческие центры прионежских людинов, известные позднее как центры волостей. При этом они, с одной стороны, привязаны к воде — устьям рек, впадающих в заливы Онежского озера, или крупным озерам Прионежья, с другой — к выходам высокоуглеродистых шунгитовых пород, которые благоприятствуют урожайности полей. Показательно, что северо-западная граница людиновского языкового ареала однозначно накладывается на границу распространения шунгита, свидетельствуя о сельскохозяйственных приоритетах в освоении территории. В этом контексте не случаен большой интерес к ней как реальному источнику доходов новгородских землевладельцев и позднее московской казны.

Расположенные здесь земли привлекали вотчинников еще со времен Великого Новгорода. Так, в совсем небольшом по размерам районе побережья озера Мунозеро, Пертозеро (Викшезеро) и Кончезеро стояли деревни бояр

Кузмы Вангина и Лаврентия Панфильева, местных землевладельцев (потомков вепсской родоплеменной знати) Селивановых, Копанкиных и Косиковых, а также одного из крупнейших в Новгороде монастырей — Спасо-Хутынского [ПКОП, 1563, с. 117—123]. Отличительными чертами всех этих вотчинных владений являлись, во-первых, чрезвычайная чресполосность их месторасположения, так что деревни одного вотчинника стояли рядом с деревнями других, во-вторых, тот факт, что все эти деревни не составляли здесь обособленных вотчин, а были лишь северными окраинами более обширных шуйских вотчин в обонежском Шуйском погосте Великого Новгорода.

Такая географическая стратификация объясняется тем, что изначально данный район осваивался различными древневепскими крестьянскими общинами в общем направлении от берегов реки Шуи по ее притокам на север — к Кончезеру, Викшезеру и Мунозеру, и лишь впоследствии (примерно с последней четверти XIV века по вторую треть XV века) данные общины вместе с их землями попали в вотчинный оборот боярской республики [Жуков, 2013, с. 190—192]. В такой ситуации одновременное нахождение деревень разных боярщин в одном месте (то есть с одним географическим названием) потребовало различать их через антропоним (по имени крестьянина-жильца).

Самый ранний источник по истории сельской сети данного района — это перепись 1563 года, причем те части ее текста, которые описывают поселения, уже стоявшие во время предыдущей переписи 1496 года. Обращает на себя внимание тот факт, что ни одна из деревень не именовалось в новгородской манере «посиденье такого-то», которая в конце XV и даже в первой половине XVI веков применялась еще к вновь возникавшим поселениям (починкам), причем имя ее основателя и значилось в названии «посиденья». Иными словами, основная часть местных деревень появилась не позднее второй половины XV века.

И в самом деле, археологически датированный процесс крестьянского освоения бассейна реки Шуя относится к рубежу XIII—XIV веков [Спиридонов, 2014]. Через 300 лет, на этапе описания территории московскими писцами, Прионежье представлено уже сетью поселений, объединенных в гнезда большей или меньшей величины. Документы не дают возможности отследить первый, самый ранний этап складывания поселений. Однако дальнейшее развитие поселенческой сети и, соответственно, наименований поселений, использовавшихся на официальном уровне, отражено документально и в целом достаточно последовательно.

В данной статье по методике, предложенной Витовым [Витов, 1965; Витов и др., 1974], прослежено поэтапное становление поселенческой

структуры двух волостей — Мунозерской и Кончезерской — на протяжении трех с половиной столетий, начиная с упоминания в писцовой книге 1563 года вплоть до начала XX века [СНМ, 1905]. Привлечена также современная топонимия, которая в ряде случаев сохраняет память о старых поселениях и их географических привязках.

По Кончезеру писцовые материалы 1563 года рисуют следующую картину (рис. 1).

Рис. 1. Мунозерская и Кончезерская волости (1905 г.)

Были заселены четыре мыса: два на Кончезере и два на Викшозере (с XVIII века называется Пертозером), при этом на каждом из них размещался целый ряд одно- / малодворных деревень, принадлежавших разным

субъектам землевладения: боярские вотчины стали государевыми деревнями, деревни своеземцев пошли в «поместную раздачу» (часть бывших свеземцев и стали их первыми помещиками), а Хутынский монастырь сохранил за собой шуйскую вотчину. На Викшозере это *Пертнаволок* и *Корбнаволок* при устье реки Мунозерки: оба топонима — полукальки оригинальных прибалтийско-финских *Pert'niem* (*pert'* ‘изба’) и **Korbniem* (*korb* ‘глухой лес’). На Кончозере первоначально фиксируются *В конце озера* [ПКОП, 1563, с. 135], *В Конче озери*, которые позже приобретают вид *В Концы озера о западной стороне* [ПК, 1617, л. 131], *На Кончозере на Восточной стороне*, *На Кончозере Восточная* [ПК, 1707, л. 34—35, 56] — позднее *Западная* и *Восточная*. Точкой отсчета для ориентации по сторонам света служит протока, соединяющая озера. Собственно, именно здесь, при стыке двух озер, а также при устье реки Мунозерки, соединяющей Мунозеро и Викшозеро, и начиналась история села Кончезеро. Память об одной из ее ранних страниц хранит топоним *Боярщина*, или *Боярский мыс* — название мыса в самом устье протоки, между деревнями *Западная* и *Восточная*.

Русские ойконимы имеют людиковские соответствия: *Luodehkylä* — *Западная деревня* и *Liidekylä* — *Восточная деревня* с вариантом *Liidečura* ‘восточная сторона’. Каково направление взаимодействия, какой из вариантов — карельский или русский — первичен? Некоторые обстоятельства указывают, кажется, на примарность русской пары *Западная* — *Восточная*, хотя такая ситуация и нетипична для этого региона. Ориентация объектов по линии *luodeh* ‘запад’ — *liide* ‘восток’ довольно продуктивна в людиковской топонимии, при том что практически полностью отсутствует на смежных карельских территориях. Исключение составляет лишь территориально отдаленная топонимия самого севера Карелии, генетически не связанная с людиковской [Топонимные модели ..., 2018, с. 148—153]. Зато она исключительно продуктивна на смежной русской территории Заонежья (см. многочисленные фиксации в [СТЗ]), откуда, очевидно, была усвоена в северолюдиковскую топонимию. Кстати, именно на такой генезис людиковской модели указывает и ее бытование только в территориально смежном с русским Заонежьем северолюдиковском ареале. Топонимическим системам более южных людиковских поселений она чужда.

В дальнейшем осваивалось восточное побережье Кончозера, где в первой половине XVIII века зафиксированы деревни *Чупа* под названием *Новой починок Чюпа в Каменном конце Кончозера* и *Паднаволок* [ПК, 1726, л. 218 об.-219]. Второе направление внутренней миграции на протяжении XVIII века — западное, на побережья лесных озер бассейна Кончозера,

где появляется ряд поселений, в названиях которых, как правило, воспроизводится лимноним: *Верхняя Ламба, Виданламба, Галлезеро, Ангозеро ~ Гангозеро*. В XIX веке некоторые из них преобразуются в небольшие курьезы поселений, названия отдельных их концов, как правило, отантропонимические.

Наряду с приозерными в результате внутренней миграции появляются водораздельные поселения. Их названия включают в свою структуру карельский термин *selge, šelg*, обозначающий возвышенность, причем, такую, на которой делались подсеки (*Гомсельга* — кар. *Homšelg*, *Каягина Сельга* — кар. *Kaiganšelg*). Прибалтийско-финский термин широко бытует и в русских говорах (*сельга*) — в качестве как субстратного включения, так и заимствования. Основная масса сележных поселений фиксируется в конце XVII — начале XVIII веков, при этом с припиской, констатирующей их новопоселенный характер: *новый починок Маркова Селга, поселилась на черном лесу после писцов* (1678), *новый починок Ковко Селга, поселилось на черном лесу после писцов вновь* (1678). Появившись в XVII веке, модель продолжала быть активной, то есть служила базой для рождения новых ойконимов вплоть до начала XX века. Она воспроизведена, к примеру, в наименованиях ряда новых сележных поселений, возникших в конце XIX века в связи с ростом населения, а затем и в начале XX века в наименованиях хуторских и отрубных хозяйств, возникших в рамках столыпинской реформы.

Для сележных деревень характерна антропонимическая модель именований, естественная для сельскохозяйственных поселений. В них сохраняются карельские варианты православных имен, а также некалендарные имена. Для примера, *Гурсельга* — кар. *Huršelg*, известная также под говорящим названием *Новожиловская*, содержит в основе кар. *Huroi* ← рус. *Гурий*, а *Каягина Сельга* — кар. *Kajaganšelg*, *Kaiganšelg* — нехристианский людиковский антропоним, родовое имя *Kajag* ← люд. *kajag* ‘чайка’, при этом со вторичной метафорической семантикой ‘пожилой сухопарый мужчина’ [SMS].

В названиях новых починок и выселков рубежа XIX—XX веков актуализирована еще более поздняя модель именования, в которой ойконим идентичен по форме с антропонимом. Выселок *Тюппега* — кар. *Ture* впервые зафиксирован в Ревизских сказках Кончезерского общества в 1850 году. В названии воспроизводится родовое имя или прозвище **Ture* из кар. *t'ure*, основа *t'yppege* ‘затычка’. Бытование слова в качестве прозвища подтверждается косвенным образом его использованием в образных выражениях, напр., *joga lowkkoh menet t'ypiekse* ‘езде суешься’ (букв. ‘в каждую дыру лезешь затычкой’) [СКЯЛ, с. 396].

На Мунозере все ранние поселения также привязаны к озерным мысам и заливам. Правда, в их названиях нет такой убедительной преемственности, как на Кончозере. В ПКОП 1563 года из числа современных ойконимов нет ни одного, и только выстраивание всей цепочки трансформаций, происходивших с названием в источниках, позволяет понять, что современная Спасская Губа именовалась деревней *на Мун-озере Федковская Дублина* [ПКОП, 1563, с. 121], Декнаволоок — *На Мун-озери словет Лавретьевская* [Там же, с. 118], а Пестряковская — просто *на Мунозере* [Там же, с. 118], которая благодаря именованиям жителей идентифицируется с более поздней формулировкой *На Мунозере против погоста* [ПК, 1582, с. 135], а затем *На Муно ж озере против погоста, а в волости зовут Перхин наволоок* [ПК, 1678, л. 417 об.]. Ряд продолжают *На Мунозери Пятриковская* [ПК, 1707, л. 27 об.], *Петряковская* [РС, 1749, 422 об.-423 об.], и, наконец, появляется *Пестриковская, Пестряковская* [РС, 1782, л. 90], дожившая до наших дней, хотя, видимо, являет собой пример ошибки, сделанной писцом и воспроизведенной затем неоднократно в последующих списках. К сожалению, народное карельское название поселения *Treška*, восходящее к рус. *Терешка* (← *Терентий*), являющееся поздним, не соотносится с официальным и никак не проясняет его историю.

«Генеалогия» мунозерских деревень с опорой на большой ряд исторических источников содержит сведения об опустевших и появившихся на их месте новых деревнях, с новыми названиями. Дер. *На Мун-озери Тимошкинская* [ПКОП, 1563, с. 121] запустевает вследствие шведского разорения («хоромы пожгли и крестьян побили немцы») [ПК, 1582, с. 143], но возрождается с именем *на Мунозере Тимошкино, Тюряки тож* [ПК, 1617, л. 72], которое в виде *Тереки* — кар. *Törökkä* доживает до наших дней. В основе патроним, родовое имя, этимон которого не зафиксирован в людиговской языковой среде, но известен в финских говорах, в том числе в историческом Карельском Приладжье: *törikkä, törykkä, törökki* ‘недоросль; простофиля; маленький мальчик’ [SKES, os. 5, s. 1507—1508]. Деревня *Тервовевская* — кар. *Tervoinkylä* (-kylä ‘деревня’) впервые отмечается как новопоселенная *В урочище край Мунозера Тервовская* [РС, 1749, л. 428], но привлечение более ранних документов доказывает, что она появилась на месте поселения XVI века *Поч. на край Муно-озера* [ПКОП, 1563, л. 118]. В основе некалендарное карельское имя *Tervoi* (← *terv, terve* ‘смола’), которое принято связывать с темным цветом волос его носителя или его занятием смолокурением, см., напр.: [Nissilä, 1975, с. 152]. На отыменное происхождение указывает суффикс *-oi* (*Tervoi*), свойственный карельским личным именам. К середине XX века наряду с *Тервовевской* де-

рвеня получает в официальных документах название *Ульковца*, соответствующее народному карельскому *Ul'koine*. Оно основывается на фамилии жителей этого малодворного поселения — *Ульковцы* — кар. *Ul'koized*, входящей к антропониму кар. *Ul'koi* — рус. *Ульян*.

В дальнейшем, в XVIII веке, происходило более плотное освоение озерного побережья: *Готнаволок* (1707), *Новоселовская* (1707), *Новопоселенная Урочище между Ригой и Долгой Ламбой* (1782), а на следующем этапе — появление удаленных от него водораздельных поселений (*Кеняки*, *Моторино*, *Гурсельга*). Наконец, начало XX века знаменуется появлением хуторов и выселков: *Васюки* — *Vas'ukki*, *Калинпууста* — *Kalinpuust* (puust 'пустошь'), *Никонова* — *Niikoinen* [СНМ, 1926, с. 57—58].

Таким образом, на фоне устойчивых во времени наименований гнезд поселений названия входящих в их состав одиночных деревень как раз демонстрируют значительную изменчивость. Причины ее кроются в рождении новых поселений, в том числе на месте прежних, завершивших в силу разных причин свое существование. Изменение влечет за собой и смена владельца крестьянского двора. Будучи малодворными, некоторые из деревень, отмеченных в ранних документах, исчезли безвозвратно. В принципе, эти выводы вполне ожидаемы. Однако это материал важен как базисный для постановки и решения более специфической ономастической задачи: как согласуется изменчивость ойконимической системы во времени с бытованием двух уровней номинации — официального и неофициального.

3. Официальные и народные / неофициальные ойконимы

Отмеченная выше неустойчивость ойконимической системы напрямую связана с бытованием ее на двух уровнях: официальном, то есть отраженном в государственных реестрах, письменном, и неофициальном, подразумевающим функционирование в народной крестьянской среде, в устной практике. Применительно к людиковской ойконимии эти уровни разнесены еще и в языковом отношении: официальные русские топонимы и народные карельские. В этом раскладе просматриваются две позиции. В первом случае карельский и русский эквиваленты идентичны в том отношении, что русский топоним — это адаптированный к русскому употреблению карельский оригинал: *Паднаволок* — кар. *Poadniem*, *Гомсельга* — кар. *Hom-selg*, *Галлезеро* — кар. *Hal'larv*, *Тэреки* — кар. *Törökkä*, *Улькуева* — кар. *Ul'koine*. Способы адаптации могут различаться, однако результат в глобальном отношении един. Во втором же случае два уровня пользуются разными названиями, никак друг с другом не соотносящимися. Среди именовании гнезд поселений таковых единицы (кар. *Kendärv*, *Kend'järvi* — рус. *Конче-*

зеро [Муллонен, 2018]), однако на уровне микроойконимов такая ситуация нередка: *Молчанова* — кар. *Rekuoine*, *Новоселовская* — кар. *Vošši*, *Готнаволоок* — кар. *Vahromie*, *Кажнаволоок* — кар. *Lumbine*. Разноименность характерна и для русской ойконимии на смежной территории. За ней стоит процесс смены названия на протяжении жизни населенного пункта.

Будучи единожды записанным, название затем кочует из реестра в реестр, воспроизводя в том числе описки и ошибки, закравшиеся в предшествующие записи. Для официального уровня именования эта преемственность была существенна с позиций владельческих отношений и налогообложения. В свою очередь, бытовавшие в народной среде ойконимы живо реагировали на изменение обстоятельств, связанных с жизнью поселения, сменой владельца двора и т. д. Деревня *Виданламба* имеет второе название *Мартюевская* — кар. *Martoine* ~ *Martuoine*. Ревизские сказки проясняют, как и почему оно появилось: в эту деревню в 1784 году перешел с семейством из деревни Губской С. Мартынов [РС, 1795, л. 25об.], карельское родовое имя которого *Martoine* ← *Martoi* ‘Мартын’ и воспроизводится в ойкониме. К тому же в устной практике не выживали громоздкие многочленные структуры, записанные в документах, типа отмеченной в 1782 году *Новопоселенная Урочище между Ригой и Долгой Ламбой* и воспроизводившейся затем неоднократно вплоть до XX века в виде *Между долгой и рагой ламбами*, *У мельницы между ламбами*, ср. в устной практике кар. *Melličši* ‘Мельница’. В результате со временем мог образовываться разрыв между записанным и устным названием. Он был известен писцам, которые использовали формулу «а в волости зовут» для приведения официального имени в соответствие с народным.

Следующие два примера — редкие, но тем более ценные — заимствованы из писцовой книги 1678 года. Первый *На Муно ж озере на Пулнаволоке, а в волости зовут Пуикнаволоок* [ПК, 1678, л. 420—421] исправляет ошибку, закравшуюся ранее, видимо, при переписывании. Деревня, сохранившаяся до сих пор, называется по-карельски *Puikniemi*. Детерминант *-niemi* ‘наволоок’ выступает в связи с родовым патронимом *Puikk(o)* ← кар. *puikko*, *puikk* ‘щепка; лучина; заноза’. Мотив номинации утрачен, однако слово активно в метафорическом использовании для характеристики человека: *hädänpuikko* ‘неугомонный’, *ei šittah*, *ei puikkoh* ‘никчемный’, *oigeni puikkožeksi* ‘усох’ (букв. вытянулся в щепку), *pärepuikkozen tagan ei nävy* ‘тощий’ (букв. ‘за щепкой не видно’) [ФСКЯ, с. 176]. Кроме того, основа продуктивна в наименованиях поселений, в том числе оформленных *-l*-овым суффиксом (типа *Puikkola*), что явно свидетельствует о ее антропонимных истоках. Патронимы *Puikko* и *Puikkonen* были широко распростра-

нены в XVI—XVII веках на Карельском перешейке и в Северном Приладожье [Sukunimet, 1992, с. 487—488], откуда, как известно, происходил отток карельского населения в Обонежье. Иначе говоря, топоним *Puikniemi*, видимо, входит в один ряд с другими отыменными названиями поселений, расположенными на мысах и заливах оз. Мунозера (*Готнаволок*, *Декнаволок*, *Кажнаволок*) и входящими в состав Мунозерского куста поселений.

Не менее замечательный пример демонстрирует история названия деревни *Курий Ручей*, которая, появившись как *Починок на Мун-озери Новинка* (во дворе Олексейко Яковлев) [ПКОП, 1563, с. 119], затем в течение целого столетия именовалась деревней *На Мунозере Олексейка Яковлева*, пока в 1678 году писец не уточняет: *На Муно ж озере Алексеевская Яковлева, в волости зовут на Мунозере на ручью* [ПК, 1678, л. 419—419 об.], что позволило идентифицировать ее с более поздней записью *Курой ручей* [ПК, 1707, л. 31], совр. *Курий Ручей*. Ручей течет в крутых берегах, что позволяет интерпретировать топоним из кар. *kuuri*, *kuuro* ‘борозда, колея, желоб’.

Последовательное привлечение материалов десяти ревизий довольно убедительно свидетельствует о том, что в середине XIX века, в 9-й ревизии 1850 года, происходит широкое внедрение и закрепление в официальной практике народных названий. Этот вывод актуален не только для людиковского Прионежья. Он сделан, к примеру, для Кижской волости, где в середине XIX века названия поселений, до этого совпадавшие с наименованиями их в писцовом делопроизводстве, вдруг меняются, неофициальные ойконимы получают официальный статус [Воробьева, 2014]. Возможно, процесс носил общий характер и был санкционирован каким-то специальным документом. В данном контексте вполне логичны карельские отантропонимные названия целого ряда небольших поселений, не совпадающие с русскими, такие как *Pekoine* — офиц. *Молчанова* или *Vahromie* — офиц. *Готнаволок*. Очевидно, они (названия) возникли уже после середины XIX века и не были охвачены процессом перехода в статус официальных. Собственно, об этом свидетельствует и их структура: ойконимы, идентичные по облику антропонимам, в массе своей возникали на рубеже XIX—XX веков.

Выравнивание двух систем — официальной и народной — могло происходить на протяжении жизни поселения неоднократно, при этом стандартной была ситуация, когда народное название получало статус официального. Обратный процесс, когда официальный топоним усваивался народной практикой, имел место реже. Наиболее убедительные его примеры — это карельские эквиваленты ряда ойконимов, восходящих к рус-

ским поселенческим терминам: *Pagast* — *Погостская* (с. Мунозеро), *Slabad* — *Слобода* (с. Кончозеро), *Dvorčč* — *Дворец*, *У Дворца* в составе Кончезерской волости. Видимо, в этом же ряду находятся упоминавшиеся выше дер. *Восточная* и *Западная* (с. Кончезеро). Другое дело, что в этой связке только в редких случаях удается определить возраст родившегося в народной среде ойконима. Это возможно, например, если очень повезет и удастся обнаружить архивные сведения об имени новопоселенца, закрепившемся в структуре ойконима, см. выше дер. *Виданламба* — *Мартюевская*. Другой вариант — если в самом содержании ойконима есть указание на его возраст. Один такой уникальный пример — это деревня *Владимирская*, которая по-карельски зовется *Kond*, в составе куста поселений Селижи при озере Сандал.

Позтапная смена ойконима на протяжении жизни поселения реконструируется следующим образом: *Владимирская* — кар. *Kond*: *Починок у Долгой ламбы за озером* [ПКОП, 1563, с. 128], *деревня пуста что был починок у Долголамбы за озером* [ПК, 1582, с. 160], *У Долгого Лабозера* [ОКЗ, 1696, с. 164], *У Лабозера* [РС, 1782, л. 273], *Ламбозеро* [План ГМ, 1790], *Лабозеро* [РС, 1834, л. 83 об.], *Конда* (она же *Лабозеро*) [РС, 1850, л. 98 об.], *У Владимирской* [РС, 1858, л. 142 об.], *У Владимирской* (пос. *Конда* и *Ояжа*) [СНМ, 1873, с. 31], *Владимирская* [СНМ, 1905, с. 10; СНМ, 1926, с. 44].

Начиная с первой фиксации более 450 лет назад, название видоизменяется коренным образом в письменных источниках три раза: *Долгая Ламба* — *Лабозеро*, *Конда* и *Владимирская*. В этом ряду сразу выплывает описка конца XVII века: *Ламба* (кар. *lamb*, *lambi* ‘небольшое лесное озеро’) превращается в *Лабозеро* и живет в таком ущербном виде вплоть до середины XIX века, когда на официальный уровень выходит *Конда*, которая сохранилась в карельском бытовании вплоть до сегодняшнего дня. При этом почти наверняка карельский топоним *Конда* возник не в середине XIX века, когда он отразился на официальном уровне, а еще в конце XVII века, когда на месте запустевшего за сто лет до этого *починка у Долгой Ламбы* появляется новое поселение. На это указывает название деревни *Конда*, за которым скрывается прибалтийско-финский поселенческий термин *kontu*, в спектр значений которого входят два компонента: ‘земельные угодья, обработанная земля’ и ‘крестьянский двор; хозяйство, заселенное место’ [SSA, 1, s. 398—399]. При этом во всех наречиях карельского языка в *kontu* ~ *kondu* ~ *kond* реализуется, прежде всего, первый из них. Иначе говоря, топоним отражает ситуацию конца XVII века, когда на месте старого земельного участка, залежи (кар. *kond*), прежнего починка XVI века,

возрождается поселение. В официальную же практику была возвращена прежняя запись с XVI века, что, очевидно, было существенно с точки зрения налогообложения. В середине XIX века официальная и народная практика соединяются. Впрочем, *Конда* очень недолго пребывает в статусе официального наименования, сменяясь записью *У Владимирской*, а затем *Владимирская* — конечно, по названию часовни во имя Владимирской иконы Божьей Матери.

Таким образом, один из важных элементов в механизме развития ойконима — это взаимодействие двух уровней его функционирования. При этом ведущим звеном в этом процессе является народная ойконимия.

4. Выводы

Подведем некоторые итоги. Ойконимия исторических источников позволяет констатировать нестабильность официальной ойконимической системы, ее поэтапную модификацию на протяжении всей второй половины II тыс. н. э., обусловленную как социально-экономическим развитием территории, так и закономерностями развития самой системы: унификацией, преобразованием многочисленных описательных конструкций в более компактные номинации, внедрением новых моделей именования, а также корректировкой, вызванной закреплением на официальном уровне народных именований. Последний процесс, с одной стороны, происходил в ряде случаев спонтанно, однако, с другой — мог, видимо, регламентироваться законодательно. На это указывает масштабная корректировка середины XIX века, в ходе 9-й ревизии, когда значительная часть традиционно переносившихся из документа в документ ойконимов, уходящих корнями еще в материалы писцового дела XV—XVI веков, заменилась другими названиями, вызревшими в народной среде. Об инновативном характере народной ойконимической системы и непрерывном процессе формирования новых названий свидетельствует бытование в людиковской языковой среде целого ряда наименований поселений, не совпадающих с официальными и, очевидно, появившихся уже после середины XIX века.

Особенно следует отметить значение цепочек последовательно изменяющихся названий для этимологической интерпретации именований поселений. Они позволяют в ряде случаев установить их исторический исходный облик, а также выявить по именованию поселенцев возможный исходный антропоним — этимон ойконима. Применительно к людиковской ойконимии такой исторический подход был в свое время применен известным финским ономастом В. Ниссиля в словаре людиковских ойконимов [Nissilä, 1967]. Однако объективная невозможность использования

широкой линейки источников разного времени не позволила тогда получить полноценный результат. Анализ, предпринятый в рамках статьи, убедительно доказывает перспективность исторической методики для установления истоков ойконимов.

Просматриваются определенные ареальные и хронологические предпочтения в номинации, свидетельствующие о формульности ойконимии. Ареал характеризуется бесспорным преобладанием антропонимических наименований над другими лексико-семантическими группами — в значительной степени за счет названий относительно новых поселений, а также под влиянием кустового принципа расселения. При этом в их моделях наличествуют признаки некоторой дистрибуции — как ареальной, так и хронологической. Так, основная масса сележных поселений, то есть включающих в свой состав элемент *-selg* ~ *-šelg* / *-сельга*, фиксируется в конце XVII — начале XVIII веков, причем преимущественно в менее заселенных северных пределах региона обследования. В свою очередь ойконимы, воспроизводящие антропоним без какого-либо специального топонимического оформления и представленные повсеместно, характерны преимущественно для XIX—XX веков. Аналогичная ситуация и по другим волостям, как карельским, так и русским, ср. в Заонежье деревни *Петры*, *Тарасы*, *Воробыи*, *Мигуры* и др. [СТЗ]. Они отражают процесс внутренней миграции, вторичного освоения территории, расселения из материнских поселений, в которых как раз используется другая модель — имя в связке с термином.

Источники и принятые сокращения

1. План ГМ, 1790 — *План Генерального Межевания Петрозаводского уезда*. Масштаб межевой карты — 4 версты в дюйме. 1790 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda/.

2. ОКЗ, 1696 — *Отказная книга на Заонежские погосты письма стольника Преображенского приказа А. Брянченинова и подьячего Новгородского приказа П. Курбатова*. 7204 года (1696) // И. А. Коновалов. Писцовые и переписные книги Заонежья XVII век. Материалы к истории Заонежья. I. Без м. и., 2004. — С. 208—273.

3. ПКОП, 1563 — *Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г.* // Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. : материалы по истории народов СССР / под общей редакцией М. Н. Покровского. — Ленинград, 1930. — Выпуск 1. — С. 57—254.

4. ПК, 1582 — *Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г. : Заонежские погосты* // История Карелии XVI—XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500– ja 1600–luvulta. — Петрозаводск ; Йоэнсуу / Joensuu ; Petroskoi, 1993. — III. — С. 34—341.

5. ПК, 1617 — *РГАДА*. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. «Книга Новгородского уезда Олонеским дворцовым погостом писма и меры Петра Ивановича Воейкова да диака Ивана Лговского 124-го и 125-го году [1615 / 16—1616 / 17 гг.]», да туто же книга писма и меры

одною диака Ивана Лговского заонежскому Андомскому погосту да Оштинскому стану дворцовым же погостом 127-го году». 1618 / 19 г. 939 л.

6. ПК, 1678 — РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1137. Ч. 2. 1678 г. Переписная книга Олонецкого уезда стольника писца князя Ивана Аничкова и подьячего Ивана Венюкова.

7. ПК, 1707 — РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. «707-го году. Книга переписная Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильева Апрелева за их руками. Всего 568 листов». 550 л.

8. ПК, 1726 — РГАДА. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719—1763 гг. Сказки и переписные книги I—III ревизий. Д. 2371. 1726 г. «Книга имянная Олонецкого уезда о душах мужеска полу в Высший Сенат погостом, которые приписаны к Олонецким Петровским и ко всем заводам». 683 л.

9. РС, 1749 — РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719—1763 гг. Сказки и переписные книги I—III ревизий. Д. 2378. Л. 1—903 об. 1749 г. «Книга переписная мужеска полу душ Новгородской губернии Олонецкого уезду, приписанных к Петровским заводам государственным крестьяном, которые в прежнюю перепись писались государственными же крестьяны, учиненная в 749-м году».

10. РС, 1782 — НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 4-й ревизии 1782 г. Д. 2 / 6. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Мунозерского конца. Д. 2 / 10. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Кижского погоста Корельской трети.

11. РС, 1795 — НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Ф. 18. Ревизские сказки 5-й ревизии 1795 г. Д. 11 / 95. Ревизские сказки экономических крестьян Петрозаводского уезда Мунозерского конца.

12. РС, 1834 — НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Ф. 18. Ревизские сказки 8-й ревизии 1834 г. Д. 58 / 552. Ревизские сказки казенных поселян Петрозаводского уезда Петропавловской вотчины Петропавловского прихода, Кондопожской, Лижемской волостей.

13. РС, 1850 — НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Ф. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г. Д. 61 / 571. Ревизские сказки крестьян Петрозаводского уезда Петропавловской волости Петропавловского мирского общества, приписных к Олонецким заводам.

14. РС, 1858 — НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Ф. 18. Ревизские сказки 10-й ревизии 1850 г. Д. 77 / 758. Ревизские сказки крестьян Петрозаводского уезда Петропавловской волости Петропавловского мирского общества, приписных к Олонецким горным заводам, отставных нижних военных чинов и солдатских детей.

15. СКЯЛ — *Словарь карельского языка (Ливвиковский диалект)* / составитель Г. Н. Макаров. — Петрозаводск : Карелия, 1990. — 495 с.

16. СНМ, 1905 — *Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год.* — Петрозаводск : Олонецкая губернская типография, 1907. — 326 с.

17. СНМ, 1926 — *Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 года).* — Петрозаводск : Изд. Стат. Управ., 1928. (государственная типография имени «П. Ф. Анохина»). — XVI. — 159 с.

18. СНМ, 1873 — XXVII. Олонецкая губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 года. Издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел, 1879. — 235 с.

19. СТЗ — *Муллонен И. И.* Свод топонимов Заонежья / И. И. Муллонен, И. В. Азарова, А. С. Герд ; под редакцией А. С. Герда. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2013. — 251 с.
20. ФСКЯ — *Фразеологический словарь карельского языка* / В. П. Федотова. — Петрозаводск : Карелия, 2000. — 260 с.
21. SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. — Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1955—1981. — Osat 1—6.
22. SMS — *Suomen murteiden sanakirja* [Электронный ресурс]. — Access mode : http://kaino.kotus.fi/sms/?p=article&word=kajava:2&sms_id=SMS_b0797e6ccac73b-94b338e0b39b16fed4.
23. SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja* 1—3. — Helsinki : Kotimaisten kielten tutkimuskeskus — Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992—2000.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверьянов К. А.* О времени возникновения писцовых книг / К. А. Аверьянов // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI—XX веков». К столетию со дня рождения П. А. Колесникова. — Москва : Древлехранилище, 2008. — С. 13—19.
2. *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. Из истории сельских поселений / М. В. Витов. — Москва : Издательство Московского университета, 1965. — 290 с.
3. *Витов М. В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII веках / М. В. Витов, И. В. Власова. — Москва : Наука, 1974. — 190 с.
4. *Воробьева С. В.* Деревни Кижской волости в XVI — начале XX в. (по архивным источникам) / С. В. Воробьева // Церковь Преображения Господня на острове Кизи : 300 лет на заонежской земле : сборник статей. — Петрозаводск : Издательский центр музея-заповедника «Кизи», 2014. — С. 229—256.
5. *Жуков А. Ю.* Самоуправление в политике России : Карелия в XII — начале XVII в. / А. Ю. Жуков. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2013. — 492 с.
6. *Муллонен И. И.* Материалы к «Словарю топонимов Карелии» [Электронный ресурс] / И. И. Муллонен // Альманах североевропейских и балтийских исследований. Выпуск 3, 2018. — Режим доступа : <http://nbsr.petrus.ru/journal/nlist.php>.
7. *Народы Карелии : историко-этнографические очерки* / ответственный редактор И. Ю. Винокурова. — Петрозаводск : Периодика, 2019. — 752 с.
8. *Спиридонов А. М.* Западное Прионежье : из «саамского железного века» в Средневековье / А. М. Спиридонов. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2013. — 162 с.
9. *Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте* / Е. В. Захарова и др. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. — 272 с.
10. *Nissilä V.* Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes / V. Nissilä. — Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1967. — 130 s.
11. *Nissilä V.* Suomen Karjalan nimistö / V. Nissilä. — Joensuu : Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö, 1975. — 382 s.
12. *Sukunimet, 1992* — Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet / P. Mikkonen, S. Paikkala. — Helsinki : Otava, 1992.

DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF OIKONYMIC SYSTEM IN NORTHERN LYUDIK LANGUAGE AREA¹

© **Irma I. Mullonen (2020)**, orcid.org/0000-0002-5279-4880, Doctor of Philology, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), irma.mullonen@hotmail.com.

© **Alexey Yu. Zhukov (2020)**, orcid.org/0000-0002-0647-5686, PhD in History, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), zhukov_a@sampo.ru.

Some aspects of the formation of the oikonymic system of the local territory during the second half of the II millennium, which is caused, on the one hand, by the development of the settlement structure, and on the other, by the laws of toponymic nomination are discussed in the article. The material for analysis was information from historical documents (cadastres, census lists, lists of populated areas) of the 16th – early 20th centuries, as well as the results of field gatherings in the territory of the northwestern Onega inhabited by Karelian people. It is proved that the system of oikonyms includes elements dating back to different chronological periods. At the same time, oikonymic models are identified that mark individual stages in the development of the system. Particular attention is paid to the existence of oikonyms on two levels: official (written) and unofficial (oral). Of these, the former was more conservative, and the latter was more responsive to changes in circumstances related to the life of the settlement, change of ownership of the courtyard, etc. It was revealed that the widespread adoption and consolidation in the official practice of popular names occurred in the middle of the XIX century. The relevance of the study lies in a number of new etymological interpretations of oikonyms, for which historical sources are used, which made it possible to build chains of successively changing variants of the name. As a result, some Karelian folk forms of Orthodox names were reconstructed, and the list of non-calendar Karelian anthroponyms was expanded.

Key words: oikonymy; anthroponymy; People's dialect; Russian dialects; cadastres; census list; peasant development; Karelia.

MATERIAL RESOURCES

FSKYa — Fedotova, V. P. (2000). *Frazeologicheskiy slovar' karelskogo yazyka*. Petrozavodsk: Kareliya. (In Russ.).

OKZ, 1696 — Otkaznaya kniga na Zaonezhskie pogosty pisma stolnika Preobrazhenskogo prikaza A. Bryancheninova i podyachego Novgorodskogo prikaza P. Kurbatova. 7204 goda (1696). (2004). In: I. A. Kononov. *Pistovyye i perepismnye knigi Zaonezhya XVII vek. Materialy k istorii Zaonezhya, I*. Bez m. i. 208—273. (In Russ.).

PKOP, 1563 — Pokrovskogo, M. N. (ed.) (1930). *Pistovaya kniga Obonezhskoy pyatiny 1563 g*. In: *Pistovyye knigi Obonezhskoy pyatiny 1496 i 1563 gg. Materialy po istorii narodov SSSR, I*. Leningrad. 57—254. (In Russ.).

PK, 1582 — *Pistovaya kniga Zaonezhskoy poloviny Obonezhskoy pyatiny 1582/ 83 g: Zaonezhskie pogosty*. (1993). In: *Istoriya Karelii XVI—XVII vv. v dokumentakh / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500–ja 1600–luvulta, III*. Petrozavodsk; Yoensuu / Joensuu; Petroskoi. 34—341. (In Russ.).

1 The article was prepared as part of the implementation of the RFBR project 19-012-00068 “The oikonymic system of South Karelia: at the interface between traditions and innovations”.

PK, 1617 — RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 8554. «*Kniga Novgorodtskogo uyezda Oloneskim dvortsovm pogostom pisma i mery Petra Ivanovicha Voyeykova da diaka Ivana Lgovskogo 124-go i 125-go godu [1615/16–1616/17 gg.], da tuto zhe kniga pisma i mery odno vo diaka Ivana Lgovskogo zaonezhskomu Andomskomu pogostu da Oshinskomu stanu dvortsovm zhe pogostom 127-go godu*». (1618 / 19 g). (In Russ.).

PK, 1678 — RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 1137. Ch. 2. 1678 g. *Perepisnaya kniga Olonetskogo uyezda stolnika pistsa knyazy Ivana Anichkova i podyachego Ivana Venyukova*. (In Russ.).

PK, 1707 — RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 8579. «*707-go godu. Kniga perepisnaya Alekseya Fedorovicha Golovina da Androna Vasileva Apreleva za ikh rukami. Vsego 568 listov*». (In Russ.).

PK, 1726 — RGADA. Landratskiye knigi i revizskiy skazki. Op. 2. 1719—1763 gg. *Skazki i perepisnyye knigi I—III reviziy. D. 2371. 1726 g. «Kniga imyannaya Olonetskogo uyezda o dushakh muzheska polu v Vysshiiy Senat pogostom, kotoryye pripisany k Olonetskim Petrovskim i ko vsem zavodam*». (In Russ.).

Plan GM, 1790 — *Plan Generalnogo Mezhevaniya Petrozavodskogo uyezda. Masshtab mezhevoy karty — 4 versty v dyuyme*. (1790). Available at: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda/. (In Russ.).

RS, 1749 — RGADA. F. 350. Landratskiye knigi i revizskiy skazki. Op. 2. 1719—1763 gg. *Skazki i perepisnyye knigi I—III reviziy. D. 2378. L. 1—903 ob. 1749 g. «Kniga perepisnaya muzheska polu dush Novgorodskoy gubernii Olonetskogo uyezdu, pripisannykh k Petrovskim zavodam gosudarstvennym krestyanom, kotoryye v prezhnuyu perepis' pisalis' gosudarstvennymi zhe krestyany, uchinennaya v 749-m godu*». (In Russ.).

RS, 1782 — NARK. F. 4. Olonetskaya kazennaya palata. Op. 18. *Revizskiy skazki 4-y revizii 1782 g. D. 2 / 6. Revizskiy skazki gosudarstvennykh krestyan Petrozavodskogo uyezda Munozerskogo kontsa. D. 2 / 10. Revizskiy skazki gosudarstvennykh krestyan Petrozavodskogo uyezda Kizhskogo pogosta Korelskoy tretii*. (In Russ.).

RS, 1795 — NARK. F. 4. Olonetskaya kazennaya palata. F. 18. *Revizskiy skazki 5-y revizii 1795 g. D. 11 / 95. Revizskiy skazki ekonomicheskikh krestyan Petrozavodskogo uyezda Munozerskogo kontsa*. (In Russ.).

RS, 1834 — NARK. F. 4. Olonetskaya kazennaya palata. F. 18. *Revizskiy skazki 8-y revizii 1834 g. D. 58 / 552. Revizskiy skazki kazennykh poselyan Petrozavodskogo uyezda Petropavlovskoy votchiny Petropavlovskogo prikhoda, Kondopozhskoy, Lihemskoy volostey*. (In Russ.).

RS, 1850 — NARK. F. 4. Olonetskaya kazennaya palata. F. 18. *Revizskiy skazki 9-y revizii 1850 g. D. 61 / 571. Revizskiy skazki krestyan Petrozavodskogo uyezda Petropavlovskoy volosti Petropavlovskogo mirskogo obshchestva, pripisnykh k Olonetskim zavodam*. (In Russ.).

RS, 1858 — NARK. F. 4. Olonetskaya kazennaya palata. F. 18. *Revizskiy skazki 10-y revizii 1850 g. D. 77 / 758. Revizskiy skazki krestyan Petrozavodskogo uyezda Petropavlovskoy volosti Petropavlovskogo mirskogo obshchestva, pripisnykh k Olonetskim gornym zavodam, otstavnykh nizhnikh voyennykh chinov i soldatskikh detey*. (In Russ.).

SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. (1955—1981). Helsinki. I—VII. (In Finn.).

SKYaL — *Slovar' karelskogo yazyka (Livvikovskiy dialekt)*. (1990). Petrozavodsk: Kareliya. (In Russ.).

SMS — *Suomen murteiden sanakirja*. Available at: http://kaino.kotus.fi/sms/?p=article&word=kajava:2&sms_id=SMS_b0797e6ccac73b94b338e0b39b16fed4. (In Fin.).

SNM, 1873 — XXVII. *Olonetskaya guberniya. Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1873 goda. Izdan Tsentralnym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del.* (1879). Sankt-Peterburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. (In Russ.).

SNM, 1905 — *Spisok naselennykh mest Olonetskoy gubernii po svedeniyam za 1905 god.* (1907). Petrozavodsk: Olonetskaya gubernskaya tipografiya. (In Russ.).

SNM, 1926 — *Spisok naselennykh mest Karelskoy ASSR (po materialam perepisi 1926 goda), XVI.* Petrozavodsk: Izd. Stat. Uprav., 1928. (gosudarstvennaya tipografiya imeni “P. F. Anokhina”). (In Russ.).

SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja, 1—3.* (1992—2000). Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus – Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. (In Fin.).

STZ — Mullonen I. I., Azarova I. V., Gerd A. S. (2013). *Svod toponimov Zaonezhyya.* Petrozavodsk: Karelskiy nauchnyy tsentr RAN. (In Russ.).

REFERENCES

Averyanov, K. A. (2008). O vremeni vozniknoveniya pistsovykh knig. In: *Materialy XV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Pistsovyye knigi i drugiye massovyie istochniki XVI—XX vekov». K stoletiyu so dnya rozhdeniya P. A. Kolesnikova.* Moskva: Drevlekhranilishche. 13—19. (In Russ.).

Mikkonen P., Paikkala S. (1992). *Sukunimet.* Helsinki: Otava. (In Fin.).

Mullonen, I. I. (2018). Materialy k «Slovaryu toponimov Karelii». In: *Almanakh severoyevropeyskikh i baltiyskikh issledovaniy*, 3. Available at: <http://nbsr.petsru.ru/journal/nlist.php>. (In Russ.).

Nissilä, V. (1967). *Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes.* Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. (In Fin.).

Nissilä, V. (1975). *Suomen Karjalan nimistö.* Joensuu: Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö. (In Fin.).

Spiridonov, A. M. (2013). *Zapadnoye Prionezhye: iz «saamskogo zheleznogo veka» v Srednevekovye.* Petrozavodsk: Izdatelstvo PetrGU. (In Russ.).

Vinokurova, I. Yu. (ed.) (2019). *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskiye ocherki.* Petrozavodsk: Periodika. (In Russ.).

Vitov, M. V. (1962). *Istoriko-geograficheskiye ocherki Zaonezhyya XVI—XVII vekov. Iz istorii selskikh poseleniy.* Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).

Vitov, M. V., Vlasova, I. V. (1974). *Geografiya selskogo rasseleniya Zapadnogo Pomorya v XVI—XVIII vekakh.* Moskva: Nauka. (In Russ.).

Vorobyeva, S. V. (2014). Derevni Kizhskoy volosti v XVI — nachale XX v. (po arkhivnym istochnikam). In: *Tserkov' Preobrazheniya Gospodnya na ostrove Kizhi: 300 let na zaonezhskoy zemle: sbornik statey.* Petrozavodsk: Izdatelskiy tsentr muzeya-zapovednika «Kizhi». 229—256. (In Russ.).

Zakharova, E. V i dr. (2018). *Toponimnyye modeli Karelii v prostranstvenno-vremennom kontekste.* Moskva: Izdatelskiy Dom YaSK. (In Russ.).

Zhukov, A. Yu. (2013). *Samoupravleniye v politike Rossii: Kareliya v XII — nachale XVII v.* Petrozavodsk: KarNTs RAN. (In Russ.).